

Смешной детектив

Профессор без штанов

В. Гусев

ЧЁРНЫЙ КОТЕНОК РЕКОМЕНДУЕТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Профессор без штанов

«ЭКСМО»

2005

Гусев В. Б.

Профессор без штанов / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2005 — (Дети Шерлока Холмса)

Не все же Диме и Алешке, братьям-сыщикам, детективные загадки разгадывать, надо иногда и отдохнуть. Например, сходить посмотреть на экзотических животных. Обитатели зоопарка, что и говорить, красивые, но почему-то такие грустные... Но что это? В клетке сидит... попугай Прошкин, недавно пропавший у Алешкиного одноклассника. «Это наш попугай!» — так и заявили братья солидному дяденьке. А тот предложил ребятам... купить птичку. Похоже, всех зверей в этом экзотическом зоопарке украли, чтобы потом вернуть владельцам за вознаграждение. Но как вывести коварных преступников на чистую воду? Испытанный метод «ловли на живца» не должен подвести, и тогда в игру вступает боевая курица, замаскированная под попугая...

Содержание

Глава I. «САМ ДУР-Р-РАК!»	5
Глава II. ОЧЕНЬ МНОГО ДУРАКОВ	10
Глава III. КАК УКРАСТЬ ПОПУГАЯ?	16
Глава IV. ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ БЕЗ БОМБЫ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий ГУСЕВ

ПРОФЕССОР БЕЗ ШТАНОВ

Глава I. «САМ ДУР-Р-РАК!»

– Нет, – говорил папа какому-то своему сотруднику, расхаживая по комнате с телефоном. – Нет. Если материальные преступники неожиданно прекращают свою криминальную деятельность, это вовсе не значит, что они стали вдруг честными людьми и дружно пошли работать на фабрику. – Он кивнул мне, чтобы я приглушил телевизор. – Это значит, что группа замечает следы и переключается на подготовку какого-то другого вида преступления, более выгодного. И хитрого.

Тут вошла мама, села в кресло и включила телевизор на полную мощь: началась ее любимая передача «Поле чудес». Мама ее всегда смотрит и все слова отгадывает раньше всех участников передачи.

Папа ей даже как-то посоветовал тоже съездить к Якубовичу и выиграть ему (папе, а не Якубовичу) машину. Алешка тут же попросил выиграть и ему музыкальный центр, ну а я поскромнее – набор инструментов. Алешка еще добавил:

– А если выпадет сектор «Приз», поторгуйся как следует, возьми деньги и купи нам новые велосипеды.

Но мама не обиделась, к Якубовичу не поехала, а продолжала играть в «Поле чудес» по телевизору. «Вхолостую», как сказал папа…

Когда мама увеличила громкость, папа тоже стал орать в трубку, а тут к нему пристал Алешка:

– Пап, купи попугая!

– Какого попугая? – испугался папа и сказал сотруднику: – Это я не тебе, Коля. – Прикрыл микрофон ладонью: – Какого еще попугая?

– Говорящего.

– Тебе что, не с кем поговорить? Поговори вон с мамой.

– Мам, купи попугая!

– Отстань. Трудное слово попалось. – И мама снова уставилась на экран, беззвучно шевеля губами.

– Дим, купи… – Тут он сообразил, что у меня-то денег не то что на разноцветного попугая – на серого воробья не найдется, и снова занудил: – Пап, купи попугая. А то в родном доме поговорить не с кем.

– В общем, Коля, – сказал папа сотруднику, – надо быть готовыми к большим неожиданностям. – И отключил телефон. – Так, – сказал он Алешке, – при чем здесь вообще попугай?

– А что? У всех есть попугай, у одного меня нет.

– У меня тоже нет, – сказала мама, не отрываясь от экрана. – По буквам Остап Бендер получается.

– У Ростики есть!

– Ростик для меня не авторитет, – сказал, подумав, папа.

Алешка этому так удивился, что даже рот раскрыл. Ростик – не авторитет! Ростик – это его одноклассник, такой же маленький разбойник, как и наш Алешка.

– У него фамилия – Прошкин!

– У Ростики?

– У попугая.

– Ни разу не встречал попугая с фамилией.

– Интересно! – обиделся Алешка. – У кота Матроскина может быть фамилия, а у попугая Прошкина – нет!

– Попугай! – отгадала мама. – Никакой не Остап Бендер. – И выключила телевизор. – Все моют мордахи и ноги, пьют чай и ложатся спать.

– А попугай? – спросил Алешка.

– И попугай, – сказала мама задумчиво. – Он давно уже спит.

За чаем родители обменивались какими-то папиными новостями. Мы плохо прислушивались. А жаль. Очень скоро эта история прочно вошла в нашу жизнь большой «загадочной тайной», как сказал потом Алешка.

Папа рассказывал:

– И вот эта преступная группа наладила такой поганый бизнес. Они скупали за границей разных экзотических животных и контрабандой перевозили их в Россию.

– Какой ужас! – говорила мама и прижимала ладони к щекам.

– Представляешь, – продолжал папа, – они поили красавцев попугаев водкой, те засыпали, и их плотно укладывали в коробки из-под телевизоров. А потом продавали за огромные деньги.

– Коробки? – перебил Алешка.

– Попугаев, – пояснил папа. – Тех, которые после такого издевательства смогли выжить.

А половина птиц так и погибала.

– Чудовищно! – сказала мама.

– Вот шпана! – горячо добавил и Алешка. – Пап, купи…

– Попугая?

– Или крокодильчика.

– Кстати, они и крокодильчиков привозили. У нас много теперь таких людей, которым некуда девать деньги и уже нечем удивить своих друзей. Правда, один такой любитель экзотики доигрался. Держал крокодильчика в ванне…

– А где же они ноги мыли? – спросил Алешка. – И мордахи?

– У него в доме четыре ванны и три туалета… А этот крокодильчик рос, рос и вырос. И однажды цапнул своего хозяина за нос.

– Молодец! – сказала мама.

– Этот хозяин очень любил показывать гостям, какие они с крокодилом друзья. Приподнимет его за передние лапы, приблизит свое лицо к крокодильей пасти и скажет: «Джонни, давай поцелуемся». Вот Джонни его и поцеловал. В нос. И самое удивительное! Крокодил вцепился ему в нос и не отпускает. Пришлось им вместе ехать в больницу. Там ему дали наркоз, и он уснул…

– Кому наркоз? Дядьке?

– Крокодилу. Он уснул и выпустил его нос из своих зубов. Правда, теперь этот нос никуда не годится. От него почти ничего не осталось.

– Пап…

– Не куплю… Да, так эту группу мы разработали, выявили все ее связи здесь и за границей и уже готовы были взять их всех с поличным. Но они, как говорится, залегли на дно. Значит, готовят какую-то другую пакость. И главное, – жаловался папа маме, – мы никак не можем выйти на главаря этой группы – он здорово законспирировался…

Папа еще что-то говорил, а мама сочувственно ему поддакивала. И оба они по очереди кратко отвечали Алешке: «Не куплю! Отстань!»

А через день у папы случился выходной. Мы очень любим, когда у папы случается выходной. Это бывает гораздо реже, чем у других людей. Потому что, как папа говорит, в борьбе с

преступностью перерывов не бывает. Вот папа и борется без выходных, а мы скучаем без него. И поэтому очень радуемся, когда папа оказывается дома весь день.

Но в этот выходной получился облом. Родители собрались к своим друзьям, на их дачу. Подальше от телефона и детей, сказал папа. И добавил:

- А вы можете смотреться в Ясенево.
- Чего я там не видел? – сказал Алешка с обидой.
- Много чего, – ответил папа и протянул ему газету.

Алешка прочитал вслух:

– «На днях в столице открылся первый частный зоопарк ЭКЗОО – «Зверинец», где представлено для обозрения более ста представителей животного мира тропических стран. Зоопарк работает на коммерческих принципах. Любое понравившееся животное или птицу посетители могут приобрести в собственность. Здесь же работники зоопарка дадут необходимые советы по содержанию (уход, кормление) приобретенного питомца».

- Пап, а что такое ЭКЗОО? – спросил Алешка, когда дочитал заметку.
- Экзотические животные, – пояснил папа. – Редкие для наших мест.
- О! – сказал Алешка. – Поехали, Дим! Попугая купим. Редкого для наших мест.
- Дался тебе этот попугай, – возмутилась мама.

И тут выяснилось, что попугай нужен вовсе не Алешке. Это у Ростика несколько дней назад случилась такая беда – улетел его лучший друг по фамилии Прошкин. Причем улетел как-то странно.

- На машине улетел, – загадочно пояснил Алешка. – То есть уехал.

Выяснилось: Ростик каждый день выводил Прошина на прогулку. Ставил клетку на лавочку и открывал дверцу. Попугай степенно выбирался наружу, вспархивал на спинку скамейки и важно ходил по ней взад-вперед, непрерывно болтая: «Прошкин хор-роший! Р-ростик хороший! Кр-р-ошкин др-рянь!...»

- А кто такой Крошкин? – спросил папа.
- Это их сосед. Все время ругается, что Прошкин по потолку копытами цокает.
- Редкая порода, – сказал папа.
- Крошкин? – переспросил Алешка.
- Попугай с копытами.
- Крошкин тоже хорош.

Вокруг Прошина тут же собирались детишки и взрослые со всей округи и восхищенно любовались красивой и умной птицей. И если кто-нибудь при этом произносил глупую фразу «Попка дурак!», Прошкин в карман, то есть под крыло, за словом не лез. Он останавливался и отвечал: «Сам дур-рак! Два раза!»

И вот случилось. Неподалеку остановилась машина. Прошкин вдруг вспорхнул и с криком «Ур-ра!» взлетел и исчез в распахнутой дверце. Дверца захлопнулась, машина уехала.

– Там, наверное, – сказал Алешка, – сидела попугаиха, и Прошкин полетел к ней познакомиться. – Он вздохнул и добавил: – А Ростика надо спасать. Он очень переживает. Даже голодовку объявил.

- Ну… – сказал папа, – голодовка это уж слишком.
- Да! – возмутился Алешка. – У Ростика всего два друга – попугай и я!
- И оба такие молчаливые, – усмехнулся папа. И тут же сменил иронический тон на сердечный: – Не обижайся, Леха. Твоя забота о друге делает тебе честь. Но купить такого попугая я не могу. Зарплата полковника милиции для этого маловата.
- А что делать?
- Искать, – сказал папа. – Дать объявления. На столбах, в газетах. Может, кто-то и откликнется. Хотя я сомневаюсь. Прошина явно похитили. Расчетливо и умело.
- Найду! – сказал Алешка. – И голову оторву! – И уточнил: – Не Прошину, конечно.

— Какие вы все верные друзья, — вдруг с обидой сказала мама. — А вот табуретку никто починить не желает.

Папа вобрал голову в плечи и молча юркнул за газету.

Мы поехали в Ясенево.

Зоопарк был небольшой. Но очень интересный. Он назывался «Зверинец». И кого только тут не было. Обезьяны, крокодилы, лемуры, кенгуру. Настоящий полярный волк, лисички. И конечно — попугай. И очень много собак и кошек. Самых удивительных пород. Некоторых мы вообще в жизни не видели. Например, в одной клетке сидели две кошки. Но такие разные. Одна — вся лохматая, будто лежит на полу груда шерсти, даже не поймешь, где глаза, а где хвост. А ее соседка — вообще голая. Одна кожа и никакой шерсти.

Но все животные, очень милые и красивые, были какие-то грустные. Одна обезьянка протянула Алешке через решетку свою маленькую лапку. Алешка дал ей банан. Но она его не взяла, а держала Алешку за руку и грустно смотрела ему в глаза. Будто хотела что-то сказать. А когда мы пошли дальше, она бегала вдоль сетки маленькой клетки, что-то щебетала и долго смотрела нам вслед. Нам даже как-то не по себе стало.

А еще больше нам стало не по себе, когда завопил какой-то малец:

— Мам! Дружок! Нашелся!

За ржавой сеткой прыгал, визжал и скулил рыжий щенок. Так и рвался к мальцу.

Тут к нему сразу же подошел охранник и сказал:

— Ваша собачка? Вот и хорошо. Идите в контору — вон в том вагончике, оформляйте, платите и забирайте своего песика.

Вроде бы здорово, а почему-то не по себе...

А попугаев мы не сразу нашли. Тут вообще все как-то было запутано.

— Надо вон у того дядьки спросить, — сказал Алешка. — Он там свой человек, сразу видно.

В самом деле, в дальней вольере, заложив руки за спину, задумчиво расхаживал какой-то мелкий мужичок в сереньком пиджачке и белой рубашке.

Мы замахали ему, стали подзывать.

Он увидел нас и подошел поближе. Мы расхохотались. Это был вовсе не мелкий мужичок, а довольно высокий аист. Его серые крылья, сложенные за спиной, белая грудка и задумчивая походка ввели нас в заблуждение. А он будто понял это: когда мы рассмеялись, поднял голову и звонко защелкал клювом. Но где клетки с попугаями, так и не сказал.

Мы сами их нашли. В каком-то сарайчике вроде тех, что стоят у метро на колесах и торгают всякой дрянью. Вообще, в бытовом отношении зоопарк «Зверинец» был плоховато обустроен. Специальных помещений для животных и птиц здесь не было — все в основном вагончики, кое-как приспособленные. Ну и кое-где огороженное стальной сеткой пространство.

Попугаев было много. И волнистые, и какаду, и даже попугай ара. И все они, не слушая друг друга, орали каждый о своем. А один даже неприлично выражался. Причем громче всех. Действительно — попка-дурак. Или его хозяин.

Мы постояли у клеток, посмотрели, послушали. К нам подошел дядька, который здесь командовал, и спросил:

— Нравится? Выбирайте любого и бегите домой за бабками.

— Наша бабушка в Питере живет, — машинально ответил Алешка, не сводя глаз с одного красивого, но молчаливого попугая. — Далеко бежать.

Дядька рассмеялся всеми своими стальными зубами.

— Бабки — это, по-русски говоря, деньги. Понял?

— По-русски говоря, — так же задумчиво ответил Алешка, — деньги это деньги. А бабки — это бабки. Понял?

— Какой ты умный! — обиделся дядька со стальными зубами. — Умные здесь не ходят.

Но Лешка на эти слова не обратил никакого внимания. Он только спросил:

– Какая фамилия у этого попугая?

– У попугаев фамилиев не бывает, умник какой. У них только клички.

– Ну и какая же у него кличка?

– Кто его знает? Приблудился случайно. Я его в парке с дерева снял. А он меня же и поклевал. Во! – И дядька показал забинтованную руку.

Надо сказать, что молчаливый попугай очень внимательно прислушивался к этому разговору. Будто понимал, что речь идет о нем.

– Прошкин! – вдруг громко сказал Алешка.

Попугай дернулся головкой, поднял свой красивый хохолок и взволнованно забегал по жердочке. А потом вдруг быстро заговорил:

– Пр-рошкин хороший. Не тр-рожь Прошкина. Кр-рошкин др-рянь!

Дядька со стальными зубами внимательно посмотрел на него, потом на Алешку. И спросил:

– Знакомый тебе?

– Это мой попугай, – сказал Алешка.

– Здорово! Иди в контору, к вертинару, оформляй квитанцию, плати бабки и забирай своего Крошкина. Рад небось?

– Очень, – сухо сказал Алешка, повернулся и пошел к выходу. Я – за ним.

А дядька со стальными зубами проводил нас странным взглядом.

Ни к какому «вертинару» мы, конечно, не пошли. И всю дорогу до дома Алешка был задумчив и молчалив.

Родители еще не вернулись. Алешка походил по комнате. Набрал номер Ростика, но почему-то положил трубку, не дождавшись ответа.

– Знаешь, Дим, – наконец-то сказал он. – Мне почему-то кажется, что все эти звери – они краденые. И я в этом деле разберусь! – Это он сказал с угрозой. – Но сначала нам надо выручить Прошина.

Я машинально покивал головой, не догадываясь, в какое опасное дело мы ввязываемся и с какими безжалостными, злобными людьми столкнемся на этом пути...

Глава II. ОЧЕНЬ МНОГО ДУРАКОВ

Родители вернулись с чужой дачи очень довольные и уставшие. Им там очень понравилось. Особенно маме.

– У них там такие садовые инструменты! – с восторгом рассказывала она, разглядывая мозоли на ладонях. – Такие красивые! Сами в руки просятся! Я им там все грядки перекопала. С таким удовольствием! – И мама стала мазать руки кремом.

– Пап, а ты? – спросил Алешка. – Ты там, наверное, дрова колол? – Вид у папы тоже был немного грустный и усталый. – На всю зиму наверное, да? Ты у нас молодец!

– Кто сказал? – удивился пapa.

– Мама, – сказал Алешка. – В прошлом году. Когда ты табуретку на кухне почти починил.

– Он дрова не колол, – сообщила мама. – Он воду в баню носил. Из самого дальнего пруда. – Она подумала. – Давай, отец, достраивай нашу дачу. Мы лучше будем свои грядки копать и свою воду носить.

(Дачу, конечно, достраивать пришлось. Потому что на ту, чужую, дачу наших родителей больше не приглашали. Оказывается, мама немного перестаралась – перекопала те грядки, на которых все уже было посажено. И эти посевы уже взошли, а мама приняла их за сорняки и безжалостно с ними расправилась. А папа... А папа натаскал воду в баню не из того пруда, и вся банная система вышла из строя – засорилась головастиками. Ну, это я немного вперед забежал...)

– Кстати, отец, – вспомнила мама. – Табуретку все-таки почини, у нее все время ножки вывинчиваются. Я с нее чуть не упала один раз.

– А я упал, – сказал Алешка. – Два раза.

– И я тоже, – добавил я.

Папа постарался уйти от этой темы.

– А вы как развлекались? – спросил он. – Кроме падения с табуретки. Как зоопарк?

– Содержательный, – задумчиво произнес Алешка. – Только звери очень грустные.

– Ну, это понятно, – сказала мама. – Они ведь в неволе. Папа вон тоже, когда дома долго побудет, грустить начинает.

– А когда я на работе, – тут же оправдался пapa, – то я по дому грущу. – И сразу перевел разговор на другую тему: – А попугая своего не видели?

– Видели одного... – Алешка опять задумался. – Похож на Прошкина.

– В профиль? – с улыбкой спросил пapa.

– Голосом, – серьезно ответил Алешка. – Надо его Ростику показать. Он-то не ошибется.

И Прошкин его сразу узнает. – И без всякого перехода: – Я пошел!

– Куда? – удивилась мама. – Ночь на дворе.

– К Ростику.

– Он спит давно.

– Он не спит и не ест, – сказал пapa. – Он страдает. Ты лучше позвони ему, Алексей. Алешка пошел в кабинет, начал называть и скоро вернулся – озабоченный.

– Спит? – спросила мама. – Я же говорила.

– Страдает, – сказал Алешка. – Только не дома. А в каком-то другом месте.

– Как это? – удивилась мама.

– Уехал с родителями. А его бабушка сначала не говорила куда.

– А что она говорила?

– Что нормальные люди так поздно не звонят.

Мы, значит, ненормальные? Вот уж не думал!

– Пап, – сказал Алешка, – дай нам свой фотоаппарат. Который сразу снимки выдает. Я этого попугая сниму и фотографию Ростику пошлю. В Америку.

– В какую именно? – уточнил папа.

– А их много, что ли? – удивился Алешка.

– Хватает… Северная, Южная, Латинская… Ты уточиши все-таки.

– Ладно, разберемся…

Утром Алешка написал объявления и послал меня их расклеивать.

– Ты только, Дим, на самых видных местах лепи. И где народу побольше. А потом в «Зверинец» поедем. Попугая фотографировать.

– И я с вами, – сказала мама. – Что-то я давно никаких попугаев не видела.

Алешка дипломатично промолчал, а я пошел расклеивать объявления. На самых видных местах. И где народу побольше. Возле метро, например.

– Эх ты! – сказал кто-то у меня за спиной, когда я приkleил на столб последний листок объявления. – Двоечник!

Да, зря я с Алешкиной писаниной не ознакомился заранее.

«Прапал папугай на улицы. Кто найдет вазнагражденье штука баккофф».

Ну, я ему покажу! «Штука баккофф»!

Алешка уже собрался в «Зверинец». Зарядил фотоаппарат. Напялил бейсболку козырьком назад.

– Поехали, Дим, пока его кто-нибудь не купил.

– А мама? Возьмем ее с собой?

Алешка оглянулся на дверь родительской комнаты и прошептал:

– Дим, она очень долго одевается. А потом еще дольше глаза красит. А нам некогда.

В общем, мы незаметно слиняли.

Примчались в Ясенево. Прошкин был на месте, взволнованно и недовольно бродил по клетке и что-то сердито бормотал. И, кажется, немного похудел.

– Дим, – сказал Алешка, – нам светиться нельзя. Мне этот зубастый дядька очень не понравился.

– А чего делать?

– Ща! – Алешка повертелся среди посетителей и выбрал одинокого интеллигентного мужчину. Подошел к нему, дернул за рукав. И ошарашил вопросом: – Дядь, вы умный?

Тот не удивился, поскреб затылок:

– Как-то не задумывался.

– Ну, вот таким аппаратом вы умеете фотографировать?

– Таким? Таким и дурак сумеет. А что?

– А я не умею, – соврал Алешка, не побоявшись показаться тем самым дураком. – А мне очень надо – здесь мой любимый попугай. Щелкните его, пожалуйста, на память. Я вам буду признателен. Вы уж мне не откажите. В любезности.

Хотел бы я повидать человека, который отказал бы Алешке. В том числе и в любезности.

– Нет проблем, – сказал мужчина. – Где твой попугай?

Алешка показал ему попугая издалека и прятался за чужими спинами, пока одинокий интеллигент делал снимки.

– Держи! – сказал тот Алешке. – Вот фас, вот профиль. Очень фотогеничная птичка.

Алешка забрал фотоаппарат и придирчиво рассмотрел снимки.

– Еще вопросы? – спросил мужчина.

– Один вопрос: не знаете, какой марки этот попугай?

Дядька засмеялся.

– Нет, дружок. Я в птицах не разбираюсь. Не специалист. Разве что в жареных цыплятах.

– Ладно, – Алешка сунул снимки в карман. – Разберемся. Специалистов найдем.

Когда мы вернулись домой, мама как раз вышла из своей комнаты и сказала:

– Вот я и готова. Сейчас глаза накрашу и можно ехать в зоопарк.

– А… А его уже там нет, – выпалил Алешка.

– А где же он? – удивилась мама.

– Он… это… на гастроли уехал. В Северо-Южную Латинскую Америку.

– Жаль, – вздохнула мама. – А я так приоделась. Даже самой нравится.

Алешка сдержанно хмыкнул. И я тоже подумал: мама зверей посмотреть собирается или себя показать?

– Ладно, – сказала она. – Тогда зайду на минутку к Наташе. Не зря же я прихорашивалась, надо людям показаться.

Тетя Наташа – наша соседка. Мама заходит к ней «на минутку» еще дольше, чем красит глаза.

Едва она ушла, Алешка засел за телефон, стал звонить в справочную. И настойчиво допытываться, чтобы ему сообщили номер «самого умного попугайного профессора».

Как ни странно, ему это удалось. Он получил телефон биологического института. «Там всякие профессора есть, – сказала ему девушка-оператор, – и попугайные, и обезьяны».

Алешка тут же позвонил в этот институт. Ему и там уделили внимание. И сказали, что самый умный ученый – это профессор Медведев, зав. каким-то «млекопитающим» отделом.

– Странно, – проворчал Алешка, положив трубку, – занимается попугаями, а у самого фамилия Медведев.

– По-твоему, – усмехнулся я, – он должен изучать медведей? А рыбами должен заниматься Рыбкин?

– Или Рыбаков, – засмеялся Алешка. – А обезьянами – Макакин!

– Или Мартышкин! – добавил я.

В тот же день, когда я расклеил объявления, вечером раздался телефонный звонок, и какой-то хулиганский голос радостно заорал:

– Это я! Твой любимый попугай! Гони бабки, хозяин, и я у твоего порога!

– Ты не мой попугай, – лениво ответил Алешка. – Мой попугай умница, а ты дурак! – и положил трубку.

Надо сказать, что таких звонков было немало. Сколько же, подумалось мне, глупых и недобрых людей на свете. Они будто радуются, если у кого-то случается беда.

Мы как раз говорили с Алешкой об этом, а папа, делая вид, что читает газету, прислушивался к нашему разговору. Потом он сложил газету и сказал:

– Да, ребята, к сожалению, есть еще такие бессердечные люди. У нас был похожий случай. Потерялся маленький мальчик, мы обратились к гражданам по радио и телевидению с просьбой помочь его отыскать. И что вы думаете? У родителей такое горе, они сходят с ума от волнения за своего ребенка, а какой-то негодяй все время звонит и насмехается: «А я вашего пасынка видел. Он в ресторане водку пьет…»

– Если бы я его поймал, – мечтательно произнес Алешка, – то снял бы с него штаны и посадил голой… спиной в самый большой муравейник. И дал бы ему мобильник – пусть звонит! Спасателям!

Папа засмеялся и сказал:

– А мы его вычислили и поймали.

– И в муравейник? – обрадовался Алешка. – Голого?

– Ну… не в муравейник, конечно. Сначала – в камеру. А до этого мои ребята сгоряча накостыляли ему как следует. Только вы никому об этом не рассказывайте. Это незаконно.

– Ну и порядки у вас! – вспыхнул Алешка. – Всякие гадости устраивать – законно. А накостылять за это – незаконно!

– Что делать? – пapa вздохнул. – Мне тоже это не нравится. Но закон есть закон.

– Только не для всех, – буркнул Алешка.

– Какие вы все умные, – отозвалась мама, не отрываясь от телевизора. – Мне иногда даже не верится.

Странный вывод, надо сказать. Не верится, что мы умные? Или не верится, что она в такой умной компании?

На следующее утро Алешка позвонил профессору Медведеву. Мой брат, несмотря на юный возраст, уже убедился, что незнакомым взрослым не надо доверять сразу, лучше для начала что-нибудь соврать, приятное для них. Поэтому он сказал:

– Мы юные ученые. Любим всяких птиц. Особенно медведей.

– Очень приятно, – отозвался профессор, – но я не медведь и не птица. Чем могу быть полезен?

– У меня фотография есть…

– Мамина? У меня тоже, – живо отозвался профессор.

– Попугая, – сказал Алешка. – Но вот только мы не знаем, какой он марки.

– Ты хочешь сказать – какой он породы. Или какого вида.

– Вид у него прекрасный. И в фас, и в профиль. И с хохолком.

– Откровенно говоря, – признался профессор, – я по попугаям не специалист. Но если с хохолком, то это, скорее всего, какаду. Черный или розовый. Нужно посмотреть.

– Ну и посмотрите! – И Алешка нахально договорился о встрече.

Профессор долго что-то мямлил, что у него очень мало времени, а интересы науки требуют очень много времени, а вот на досуге или, еще лучше, в отпуске…

Но он не знал, с кем имеет дело, и был вынужден согласиться.

– Я со своим руководителем приеду, – сказал Алешка и положил трубку. – Поехали, Дим.

– А руководитель? – бесполково спросил я.

Алешка усмехнулся:

– Руководитель – это ты. Будто у нас в школе звериный кружок. А ты им командуешь.

Я только вздохнул. И мы поехали в этот биологический институт, где великие ученые изучают мир «пресмыкающихся и млекопитающих», как выразился Алешка.

Этот институт когда-то был очень важным. Здесь готовили собак для первых полетов в космос. Но теперь он немного заглох, потому что космос нам не очень нужен, а очень нужен рынок…

В кабинете профессора Медведева было полно всяких чучел. Они были как живые. Белка сидела на ветке и гладила сухую пыльную шишку. Волк с зелеными пуговичными глазами скалил белые зубы в красных потрескавшихся деснах. Лисица делала вид, будто несет куда-то добытую птичку. А заяц сидел на задних лапках, поставив торчком свои длинные уши.

В углу, возле маленького столика, стоял на задних лапах громадный белый медведь. Тоже чучело. Он своей головой почти касался потолка. Красивый был медведь. Только почему-то черный кончик его носа был замазан белой краской – облупился, наверное.

У задних ног медведя стояла небольшая клетка с единственным живым существом. Как мы потом узнали, это была маленькая ушастая степная лисичка смешной породы фенёк. Ее так и звали – Фенечка. Она взволнованно металась по клетке и грустно тявкала.

Но больше, чем всяких чучел, в кабинете великого ученого было разных фотографий. Разных, но одинаковых. Это были белые медведи. То – поодиночке на плывущей льдине. То – семейной группой. А чаще всего – рядом с профессором. Как бы два верных друга. В обнимку. Чаще всего это был такой снимок – профессор с трубкой в зубах, а медведь – со здоровенной рыбиной. Правда, почему-то на всех медвежьих мордах их черные носы были тоже закрашены белой краской. А вот зачем – это мы узнали позже.

Среди всех этих чучел и фотографий мы не сразу разглядели второе живое существо – самого профессора за его письменным столом, заваленным бумагами и книгами с закладками.

Но профессор был настоящий, не чучело. У него была бородка клинышком и очки, которые он то сдвигал на нос и смотрел поверх них, то задирал на лоб и смотрел из-под них. И при этом важно покашливал. Вот только росточком не очень был велик. Чуть побольше Алешки, но чуть поменьше меня.

– А где ваш руководитель, коллеги? – спросил профессор. – Хотелось бы и с ним познакомиться.

– Да вот он, – Алешка кивнул в мою сторону.

– Похвально, похвально, – профессор спустил очки на нос. – Такой юный… Где же ваша фотография?

Он задрал очки на лоб, взял снимки и, покашливая, стал их изучать.

– Типичный какаду. Очень редкий экземпляр. И очень дорогой. Он у вас разговаривает?

– Еще как! – сказал Алешка. – И копытами топает.

– Копытами? – Очки сами упали на нос, будто страшно изумились.

Алешка объяснил, рассказал про Крошкина.

– Бывает, бывает, – вздохнул профессор. – Такие вздорные соседи из-за нелюбви к животным заодно портят жизнь людям. – И без всякого перехода спросил: – Не хотите его продать?

– Крошкина? – будь у Алешки очки, они тоже от изумления упали бы на нос. – Кому он нужен? Его и даром-то не возьмут.

– Я попугая имел в виду, – уточнил профессор. – Очень эффектная птица.

Тут Алешка признался.

– Этой эффектной птицы у нас уже нет. Прошкина украли. И мы его разыскиваем.

– Ах, вот оно что! – Профессор как-то странно подскочил на своем стуле. Будто под ним кнопка завелась. – Бывает, бывает… И когда же украли? – вдруг спросил профессор, вовсю поиграв своими очками.

– Точно не помню, – ответил Алешка. – В четверг. Или в пятницу. А может, в январе.

Профессор странно взглянул на него поверх очков и промолчал.

Пауза затянулась, пора было прощаться. Мы теперь знали, что Прошкин – типичный какаду. И что, скорее всего, именно его мы и видели в этом странном зоопарке с грустными обитателями. Там, кстати, на его клетке так и было написано: «Попугай системы какаду, единственный экземпляр. Говорящий на двух языках. Цена – 1000 долларов».

Прошкин и правда знал еще один язык – английский. Но в очень ограниченном количестве – всего два слова: «Доброе утро». Эти слова он говорил своему другу Ростику…

Профессор подарил нам фотографию белого медведя с замазанным черным носом («Это главная тема моих научных трудов»), проводил нас до дверей, гоняя очки с носа на лоб и обратно, и опрометчиво пригласил навещать его в любое время – на свою шею, как вскоре выяснилось.

– Я вам виварий покажу. У нас есть очень редкие экземпляры мировой фауны. Заходите, коллеги.

– Зайдем, коллега, – пообещал Алешка. – Спасибо. – Но в голосе его я уловил нотку угрозы.

А професор не уловил. А зря...

В зоопарке в Ясеневе Алешка сунул зубастому дядьке фотографии прямо под нос:

– Отдавайте нашего Прошкина.

– Ничего не знаю! – ответил тот. – Чего ты мне показываешь? У тебя какого звания попугай был? Какаду! А этот – совсем наоборот.

– Удакак? – буквально понял его Алешка. Или сделал такой вид.

– Никак! Иди к начальству! Пораспускали своих попугаев!

Начальство, этот самый Вертинар, тоже размещалось в вагончике. Там сидела полная дама и заполняла какие-то листки. А за перегородкой считал деньги сам Вертинар.

В общем, и у начальства мы ничего не добились. Правда, Вертинар разговаривал с нами очень вежливо.

– Друзья мои! Все попугаи одного вида похожи друг на друга. Я вам его верну, а завтра объявитсѧ еще один его владелец. И устроит скандал. Что прикажете делать?

Мы молча вышли из вагончика.

– Я знаю, что делать, – шепнул мне Алешка. – Раз они Прошкина укралы, то и мы его украдем. Имеем право.

Мы еще раз подошли к вольере с попугаем. Прошкин сидел нахолившись.

– Прошкин, – шепнул Алешка.

Попугай встрепенулся, поднял хохолок.

– Прошкин хороший, – сказал Алешка.

Попугай переступил по жердочке и... ответил:

– Пр-рошкин хороший! Ростик хор-роший! Кр-рошкин – др-рянь!

Мы переглянулись. Несомненно – это Ростика попугай. Единственный его друг. Кроме Алешки, конечно.

– Укр-р-радем! – сказал Алешка во весь голос.

Глава III. КАК УКРАСТЬ ПОПУГАЯ?

Вообще-то мне эта затея не понравилась. Во-первых, не совсем честно. Во-вторых, опасно. В-третьих, трудно.

Алешка отмел все мои возражения одним махом:

– Во-первых, Дим, я и слушать тебя не хочу. Во-вторых, я все придумал. В-третьих, и без тебя обойдусь!

Ну уж нет! Я его одного на это дело не пущу. Без меня он не обойдется. Хотя я и сам не представляю, как украсть попугая. Никогда попугаев не крал. Воздушный шар мы с Алешкой угоняли, экскаватор тоже, поезд однажды украли – целый состав. Но вот попугай... Как их крадут? Впрочем, не буду я этой проблемой загружаться – все равно Лешка что-нибудь придумает. Если уже не придумал. Сам же сказал: «Я все придумал. И без тебя обойдусь!»

– Дим, – спросил Алешка, – ты со своими девочками в классе дружишь? Они тебя уважают?

– Не знаю, – огрызнулся я, – не спрашивал. А тебе-то что?

На этот вопрос Алешка не ответил. А задумчиво продолжил, будто меня в комнате не было:

– Наверное, все-таки они его уважают... Серьезный человек. Добрый, отзывчивый... Не вредный... Кружком звериным командует... Значит, животных любит. И девочек не обижает. Так! – он шлепнул себя по коленкам и встал. – Идем в гости. На разведку.

– В гости или на разведку? – уточнил я.

– Как будто в гости. А на самом деле – на разведку. Будем игрушки собирать.

– Ка... какие игрушки? Зачем?

– Так надо. Для детского сада. Понял?

– По... понял.

– Так я тебе и поверил! – хмыкнул Лешка. Но объяснять ничего не стал. Достал из-за шкафа нашего семейного Мишку плюшевого и засунул его в пакет. – Это приманка, Дим. Жалобная такая.

У нашего семейного Мишки вид был действительно жалобный. Он нам достался от бабушки. Постепенно. Когда бабушка была маленькая, она клала его с собой в постель. Потом это делала наша мама, в своем детстве. Потом Мишка перешел ко мне. А несколько лет назад он спал с Алешкой. Алешка очень серьезно к нему относился. Бережно укрывал краем одеяла, желал ему спокойной ночи и здоровался с ним по утрам.

За все эти годы Мишка порядком поистрепался, его несколько раз стирали, и выглядел он очень грустно.

Я покорно поплелся за Алешкой. Сначала мы зашли к Ольге Малютиной, она жила в нашем подъезде. И встретила нас очень вежливо.

– Чего приперлись? – спросила, что-то дожевывая. – Мне некогда, мне под душ пора.

Ольга в раннем детстве немного заикалась, и врач посоветовал ей для излечения почаше что-нибудь есть и почаше принимать душ. Поэтому как ни придешь к ней, она либо на кухне, либо в ванной. Либо ест, либо моется.

– Мы по делу, – сказал Алешка. – У нас эта... как ее... акция.

– Какая еще акция? – Ольга проглотила кусок и пошла за другим на кухню.

Мы за ней.

– Мы собираем мягкие игрушки для детского сада, – сказал ей в спину Алешка. – Птичек всяких, собак, вроде попугаев.

– Нет у меня собак вроде попугаев, – сказала Ольга. – Чай будете?

– Будем.

Она налила нам чая и полезла на антресоли. Повозилась там, что-то подвигала и бухнула на пол здоровенную сумку.

– Выбирайте, – сказала она.

Мы распахнули «молнию» и стали копаться в сумке.

– А получше у тебя нет? – недовольно спросил Алешка. – Они у тебя драные все. И никого не узнать. Вот это, по-твоему, кто?

Ольга прожевала, проглотила.

– Заяц, кажется. Или козел.

– У зайца, – со знанием дела сказал юный биолог, – должны быть уши. А у козла еще и рога. А у этого даже хвоста нет.

– А зачем ему хвост?

– Вот вы все так, – пожурил ее Алешка. – Все стараются отдать, что похуже. Жадные все. Вот смотри, что нам дали во втором подъезде, – и он вытащил из пакета нашего жалкого Мишку.

– Какой хороший поросеночек, – проворковала Ольга. И растрогалась: – Ладно, отдам вам свою любимую Леночку. – И она принесла из комнаты красивую большую куклу. – Она глазки закрывает, «мама» пищит. – И отхватила кусок колбасы.

– Жует? – спросил Алешка машинально.

– Кого? – удивилась Ольга. – Это ведь не крокодил.

– А петуха у тебя нет? – спросил Алешка. – Как у нашей бабушки. Она его на чайник надевает. Или попугая, нет?

– Сами не знают, чего хотят, – обиделась Ольга. – Все, мне пора на водные процедуры.

Мы вышли на лестничную площадку. Алешка поскреб затылок, задумчиво так. Потом встрепенулся.

– Пошли дальше.

– Зачем? – завопил я. – На фиг нам эти игрушки?

– Я думал, ты все понял. – Алешка невинно захлопал глазами. Как кукла Леночка. – Объясняю. Помнишь, как Прошкина подманили? Ему показали красивую попугаиху. И он полетел к ней знакомиться.

– Ну а причем здесь куклы, мишки, зайчики?

– Будем ходить по домам. Ко всем твоим девчонкам. Пока не найдем игрушку, похожую на попугая. И подманим Прошкина. Живой-то попугаихи у нас все равно нет.

Ах, вот оно что! Славно придумано, малыш!

– Только давай лучше по твоим одноклассницам ходить, – сказал я.

– Вот еще, – фыркнул Алешка. – Они, во-первых, еще сами в эти игрушки играют – ни за что не отдадут. А во-вторых, больно надо, чтобы меня в классе дураком задразнили.

– А меня, значит, можно?

– Тебя не станут дразнить. Вы уже взрослые.

Объяснил.

В общем, ругайся – не ругайся, а идти пришлось. В каждой квартире мы нахально врали про детский сад, высматривали среди игрушек что-нибудь похожее на попугая марки «какаду», и, наконец, нам повезло: у Зойки Петровой нашлась большая курочка Ряба. Очень похожая на попугая. Только без хохолка. Но с одним хорошим качеством: когда этунесушку дернешь за лапку, она взмахивает крыльями и кудахчет. Но это качество было единственным. Курица была страшна как… черно-бурый орел (это Алешка потом про нее так сказал). Взлохмаченная, ободранная, с какими-то злобными глазами…

– Здорово, – тем не менее сказал Алешка. – В самый раз. Зой, ты пришей ей на голову хохолок.

– Это еще зачем? – удивилась Зоя. – У нее гребешок есть.
– Невидный какой-то, – поморщился Алешка. – Не попугайный.
– Так это же курица!

– Ладно, сойдет, – сказал Алешка. – Мама пришьет. Давай свою несушку.
Мы засунули курицу в пакет и пошли домой.

– Чего добыли? – спросила мама от телевизора.

– Попугая, – сказал Алешка.

Мама вздрогнула. Обернулась.

– Это курица, – сказала она, успокоившись. – Игрушечная.

– Мам, – попросил Алешка, – пришей ей хохолок.

– Зачем?

– Хохлатка будет. Мы ее тебе на день рождения подарим. Или на Восьмое марта.

– Больно надо, – сказала мама. – Некогда мне.

Тогда Алешка взялся мастерить хохолок сам. Что он там такое сделал, я не понял. Но, по-моему, когда Прошкин увидит это хохлатое чудище, он к нему не полетит. Он просто в обморок хлопнется.

– Все! – сказал Алешка, очень довольный своим творением. Полюбовался, поставил на подоконник. – Пусть сохнет. А мы пойдем Прошкина проведаем.

Прошкин был на месте. Никто его еще не купил. Мы присмотрелись к его клетке, прикинули, как поудобнее его подманить нашим хохлатым чудовищем, и помчались домой...

...А дома нас ждал небольшой сюрприз. Мы не зря пошли с нашим жалобным Мишкой – слух о сборе игрушек разлетелся по всему нашему микрорайону. И, наверное, многие родители обрадовались такому удобному случаю избавиться от старых игрушек.

Когда мы вошли в свой родной дом, наша мама стояла в прихожей по колено во всяких зайчиках, крокодильчиках, обезьянках... А на руках она держала громадного мишку. Ростом примерно с меня. Да он еще и ворчал как голодный.

А вот попугая среди этого добра так и не нашлось. Ну, ничего – сойдет и курица с хохолком.

В тот же вечер мы пять или десять раз сходили в свой бывший детский сад, перетаскивая туда гору игрушек. И нарушили там весь режим.

Детвора, которой давно уже надоели ее привычные игрушки, так налетела на новые, что мы даже подумали – уж лучше бы эти семейные зайчики и рыбки мирно доживали свой век на своих антресолях в родных домах. А здесь они недолго проживут...

Это был фильм ужасов. Представьте! Один малец хватает зайца и прижимает его к груди и тут же видит у другой груди забавную обезьянку – без глазок и без хвоста. Он тут же бросает зайчика и дергает из других рук ободранную обезьянку. Раздается отчаянный рев. А в это время третий расчетливо подползает и забирает в охапку и зайца с хвостом, и обезьянку без хвоста. Тут же кто-то бацает ему плюшевым мишкой по балбешке. Еще один рев. И этот рев подхватывает отчаянный визг – две девчушки так здорово поделили красивую куклу с голубыми волосами, что одной от этой куклы достались ее ножки, другой – все остальное без ножек, а третьей – весь комплект голубых волос...

Воспитательницы и нянечки метались от одной схватки к другой, успокаивали, мирили, делили, наказывали... А мы с Алешкой потихоньку смылись.

– Плохо мы воспитываем молодежь, – сказал Алешка, когда мы подошли к подъезду.

– Дим, – сказал Алешка, – я голодовку объялять не собираюсь. Я ее не люблю.

– Я – тоже, – обрадовался я.

– Поэтому, – продолжил Алешка, – я решил забрать Прошкина силой.

– Это как? – насторожился я.

– Это хитростью, – уточнил Алешка. – Я сейчас подумаю, а ты будь готов.

Я всегда готов. Силой, хитростью… Но когда мой младший брат проявляет активность, я становлюсь пассивным исполнителем.

…Алешка предложил осуществить похищение Прошкина по той же программе.

– Понимаешь, Дим, – пояснил он свою мысль, – у Прошкина уже такой опыт есть. Его уже один раз украли.

Опыт есть, а вот машины у нас нет. Единственный человек, который мог бы нам помочь, это дядя Федор из нашего дома. Я про него уже как-то рассказывал. Он очень отзывчивый человек. Всегда всем помогает. Его даже просить не надо. Если, например, увидит дядя Федор, что у кого-нибудь машина не заводится, тут же подойдет – глянь, а уже из-под капота одни ноги торчат.

И самое главное, дядя Федор, если даже его попросить о чем-нибудь необычном, никогда не спросит: «А зачем?» Он поскребет макушку и сделает.

Поэтому мы не стали с ним хитрить, а прямо сказали, в чем дело.

– Сделаем! – сказал дядя Федор, не раздумывая. – Доброе дело. Нам бы только до места доехать.

Да, это проблема. Несмотря на то что дядя Федор очень хороший мастер, его собственная машина ездит очень редко. Она старенькая, вся в ржавых дырках, на спущенных колесах. И завести ее может только дядя Федор, к тому же не каждый раз.

Пока мы подкачивали шины, дядя Федор исчез под капотом. Оттуда доносилось только звяканье ключей, пыхтение и бормотание: «Ах, ты вот как? А мы тебя вот этак! Щас заработкаешь!»

И заработала! Сама по себе будто.

В глубине двигателя что-то щелкнуло, чвакнуло, лязгнуло, он взревел, и… машина поехала! С дядей Федором под капотом. Прямо к помойке. Дядя Федор болтал в воздухе ногами, а потом вдруг крикнул:

– Стоять! – И машина послушно остановилась возле самого бака с мусором. – Ишь, – проворчал дядя Федор, – разбежалась. То ее ни за что не уговоришь, а то никак не остановишь.

И он оказался очень прав. Когда мы наладили машину и поехали в Ясенево, прихватив нашу приманку в виде ватной курицы, замаскированной под попугая, машина дяди Федора, как он ни старался, ни разу вовремя не остановилась. Каждый светофор мы пролетали на красный свет под визг чужих тормозов и ругань водителей. И после каждого светофора она «клевала носом» и останавливалась в самый неподходящий момент.

Я сидел бледный, вцепившись в ручку двери, а Лешка и дядя Федор веселились от души.

Наконец нас остановил гаишник. Тоже не сразу. Он и свистел, и жезлом махал, и бежал за нами следом.

Догнал, сердитый и решительный.

– Ваши документы! – сказал он дяде Федору.

– Какие документы? – удивился дядя Федор.

– Как какие? – тоже удивился инспектор и постучал жезлом по капоту, отчего тот чуть не свалился на проезжую часть. – Ну, хотя бы удостоверение на право вождения автомобилем.

– Да рази ж это автомобиль? – еще больше удивился дядя Федор. – Это же развалюха.

– Это я вижу, – строго произнес инспектор. – И куда же вы направляйтесь на этой развалюхе?

– На свалку, – сказал Алешка. – Нам участковый велел. Говорит: «Уберите ее с глаз долой со двора». Или, говорит, я за себя не отвечаю.

– Я его понимаю, – вздохнул инспектор. – Езжайте. Только тихонечко. Шагом.

— Так точно! — сказал дядя Федор и поскреб макушку. — Только вы отойдите в сторонку, она вас боится.

Теперь и инспектор с задумчивым видом поскреб затылок, приподняв фуражку.

В общем, мы добрались до Ясенева. И даже нашли удобное местечко для парковки — в пределах видимости Прошкина. И стали ждать.

Наконец, пришел Вертинар с тазиком, в котором лежали бананы и яблоки. И тараканы.

— Приготовились! — прошептал Алешка. — Доставайте приманку.

Я вытащил из сумки курицу, замаскированную под попугаиху, и приподнял ее над головой, готовясь запустить в действие. Дядя Федор обернулся и чуть не шарахнулся в сторону.

— Это кто? — шепотом спросил он. — Не кусается?

— Клюется, — хихикнул Алешка. И схватил меня за руку. — Давай!

Я высунул курицу за окошко и стал дергать ее за лапу. Курица замахала крыльями и затряслась хохолком. Который тут же с нее свалился.

Алешка завопил во все горло:

— Прошкин! Ко мне!

Вместо Прошкина к нам подбежала чья-то хорошо воспитанная собака и села в ожидании дальнейших команд. А вот Прошкин что-то не сработал. Нет, вначале все было правильно. Услышав Алешкин призыв, он выпорхнул в дверную щель и полетел к нам, великолепно расправив свой хвост. Но, не долетев буквально двух шагов, шарахнулся, как дядя Федор, и, развернувшись в воздухе почти на месте, ринулся обратно, забился в клетку и стал топтаться на жердочке, быстро приговаривая:

— Какой ужас! Дур-ра! Стр-рах!

Мы растерялись. А дядя Федор сказал:

— Может, покудахтать ему? По-ихнему.

— А вы умеете? — спросил разочарованный Алешка.

— Ща! Попробую. И ты тоже.

Но попробовать им не пришлось. Не покудахтали.

— Деру даем! — прошептал Алешка. И был прав. Вертинар плотно прикрыл дверь в вольеру и решительно зашагал к нам.

Дядя Федор сообразил, что это нам ни к чему, и так газанул, что мы опомнились только на шоссе.

— Не вышло, — вздохнул Алешка, когда мы успокоились. — И чем она ему не глянулась?

— Мне тоже, — сказал дядя Федор. — Теперь сниться будет. — Он покачал головой и о чем-то грустно задумался.

И думал до тех пор, пока нас снова не остановил знакомый инспектор.

— Обманули? — спросил он. — Не стыдно?

Дядя Федор начал скрести затылок. А Лешка тут же нашелся:

— Мы не обманули. Нас там плохо встретили... Напугали...

— Вас напугаешь, — совершенно справедливо вздохнул инспектор. — Документы!

— Нет, правда, — поспешил Алешка. — Так напугали, что мы тут же удрали.

— И чем это вас напугали?

— Мы не знаем! Оно такое! Вроде страшной дикой птицы! Она на людей бросается! Хищная! Голодная, наверное. Мы еле отбились. Хорошо еще, Димка на нее сумку накинул.

Умеет Алешка врать. Даже я почти поверил. И послушался, когда он сказал:

— Покажи, Дим, только осторожно. Не напугай офицера милиции.

И я выхватил наше страшилище из сумки и дернул его за ногу. Офицер милиции отступил на шаг и, положив руку на кобуру, прошептал:

— Проезжайте...

Ну мы и поехали. Правда, весь оставшийся путь мы ехали на буксире – машина зака-
призначала.

– Птички испугалась, – предположил дядя Федор.

Водитель «Газели», который нас буксировал, довез нас до нашего поворота и сказал, что
далыше нам не по пути.

Денег, чтобы с ним расплатиться, у нас не было. Мы стали для вида рыться в карманах.
Алешка для вида деловито полез в сумку и вытащил из нее курицу, дернул за лапу. Сработало.

– Ладно, – сказал водитель, пяясь к машине, – пользуйтесь моей добротой.

Что он о нас подумал, я не знаю. Тем более что машина наша вдруг опять завелась сама
собой.

– Отдохнула, – предположил дядя Федор.

А водитель «Газели» высунулся в окошко и погрозил нам кулаком.

Мы въехали в свой двор и заняли свое место у помойки.

– Эх! – сказал дядя Федор. – Не вышло. Ну, до другого раза. Заходите, если что. Подмо-
гну. – И он пошел домой, поскребывая затылок. А мы остались в машине.

– Дим, – сказал Алешка. – Нам нужно, знаешь что? Нам нужно, как папа говорит, внед-
рить в эту банду свою агентуру.

– А как? И какую?

– Как, я еще не придумал. – Придумает, не сомневаюсь. – А агентура… Вон она, сама
идет.

Во двор вошла Алешкина одноклассница Ленка со своим громадным лохматым Нордом.

Это наши надежные друзья. Они уже не раз выручали нас в наших приключениях. Их,
как и дядю Федора, просить не надо.

– Привет, – сказала Ленка, а Норд дал нам подержать свою огромную лапу. – Какие про-
блемы?

Глава IV. ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ БЕЗ БОМБЫ

На следующий день в администрацию частного зоопарка ЭКЗОО вошла немного заплаканная девочка в сопровождении громадного пса. Пес был так велик, что все администраторы как по команде вскочили на свои столы. Девочка немного удивилась, но вида не показала. И, всхлипывая, поведала печальную историю.

– Эта собака заблудилась. И пришла к нам на дачу. Она потерялась. А вы ведь принимаете бездомных животных.

– П-принимаем, – сказала полная дама, сидя на столе. – Но не таких... диких.

– Он не дикий, – сказала Лена. – Он очень послушный.

Тут дверь растворилась, и вошел Вертинар.

– О боже! – сказал он и чуть не сел на пол.

А пес дружески улыбнулся ей, показав все свои белоснежные зубы размером с тигриные. Но глаза у всех администраторов все-таки загорелись.

– Это кто? – спросил Вертинар, осторожно подходя поближе. – Это кому?

– Это вам, – сказала девочка. – Приютите его.

– Конечно... Это наш долг... Мы всегда...

Полная дама слезла со стола и сказала сладким голосом:

– Девочка... Как тебя зовут? Леночка? Какое чудное имя. Ты не могла бы, Леночка, хотя бы первое время кормить эту собаку, а? Уж очень она большая.

Что и требовалось.

– Не знаю... У меня очень много двоек за третий класс... Мне столько задачек надо решить...

– Мы тебе! – возопил Вертинар. – Мы тебе, Леночка, решим все задачки! Соглашайся.

– Ну ладно, – «нехотя» согласилась Леночка. – Я вам помогу.

И с этого дня Ленка стала приходить к Норду, которому выделили огромный вольер. Она кормила его, выгуливала, вычесывала и собирала его мягкую шерсть в пакет. А ее дедушка потом вязал из этой шерсти носки от своего радикулита. Или ревматизма.

А Вертинар и полная дама добросовестно решали все задачки, которые Алешке задали на лето.

А Ленка каждый день докладывала нам:

– Ребята! Это жулики! Такие бессовестные! Но я пока все разведать не могу.

Оно так. Весь зоопарк делился на две части. В одной части содержались домашние животные – кошки, собаки, черепашки. В другой – вроде как бы дикие – попугаи, обезьянки, змеи. А Ленка могла наблюдать только домашних. И ее информация носила только половинчатый характер. Хотя и так мы узнали очень много. Но нам этого было мало. Нам нужен был агент и среди диких особей мировой фауны.

Помог случай...

Алешка все не оставлял свою идею забрать Прошкина. Раз уж похищение не удалось. И он, где только мог, добивался справедливости.

И вот мы с ним поехали в нормальный зоопарк. Прямо к директору. Самого директора не было, он отправился получать каких-то диких змей, и с нами разговаривала симпатичная девушка. Она прямо сказала, что ЭКЗОО – это шарлатаны, они просто придумали, как наживаться на любви некоторых людей к некоторым животным. И посоветовала не связываться с ними.

– Мы бы могли, – добавила девушка, – поднять шум и забрать у них всех животных. Но нам и так не хватает помещений для них.

– А Прошкин? – расстроился Алешка. – Как нам его достать?

– Боюсь, что у вас ничего не получится, – огорчила нас девушка. – Как вы докажете, что это ваш попугай?

– А он сам про себя говорит! – возмутился Алешка.

– Это ничего не значит, – девушка покачала головой. – У нас вот тоже есть попугай по кличке Майл. А он все время кричит: «Я – Гриша!»

– Ему видней, – буркнул Алешка.

Расстроенные, мы послонялись по зоопарку и пошли к выходу. А там, возле касс, почему-то толпился народ. Мы, конечно, тоже протолкались.

Прислонившись спиной к стене, там сидел на корточках какой-то дядька. У него были узенькие-узенькие глазки и круглое лицо, похожее на радостную луну в зимнем небе. Усов у него не было, зато была борода. Три курчавых волоска на голом подбородке.

Но не это главное, почему собрался народ. Главное – возле дядьки сидел очаровательный крохотный белый медвежонок. И они с дядькой по очереди тянули из пластиковой бутылки от минералки какую-то молочную смесь. Это было забавно. И трогательно. Медвежонок, когда наступала его очередь приложиться к бутылке, прижимал ее к груди и громко чавкал.

– Медвежонок! – прошептал Алешка в восторге.

– Умка, однако, – поправил его лунолицый дядька. – Маленький медведь, однако, умка называется. С Севера приехал. А местов, однако, нет.

Выяснилось: дядька привез медвежонка в зоопарк, а его не взяли – некуда пристроить.

По Алешкиному лицу я сразу понял, что он что-то задумал. Или придумал. И не ошибся. Алешка посоветовал дядьке отвезти Умку в Ясенево.

Дядька обрадовался, взял медвежонка на руки и встал.

– Куда ехать однако? Какой сторона света? Правый? Левый?

Алешка мне нашептал:

– Иди, звони дяде Федору, а я за ними присмотрю. Чтобы кто-нибудь их не перехватил. Я нахально (у Алешки научился) зашел в метро, в пункт охраны метрополитена, и сказал:

– Мой пapa ждет звонка. Он – полковник милиции, ваш коллега по борьбе.

– Звони! – сказал мне дежурный лейтенант и придинул телефонный аппарат. – Привет передавай.

Я набрал номер дяди Федора и сказал:

– Срочно нужна машина. Подать ко входу в Московский зоопарк на Красной Пресне. Вам ясно?

– Так точно! Сверим часы?

– Сверим, – сказал я. – И вам, полковник, личный привет от лейтенанта. Как ваша фамилия? – спросил я дежурного, он ответил. – Вам привет от лейтенанта Козлова. Жду!

По дороге мы поближе познакомились с дядькой, у которого лицо было похоже на полную луну в праздник. Оказалось, его зовут Иван, дядя Ваня.

– Однако, у нас все жители – Иван.

– И тетки тоже? – изо всех сил удивился Алешка.

– Однако, нет. Женщины не называются Иван. Они все называются Татьян.

Он рассказал, что очень давно к ним в стойбище приехали учителя. Мужчину звали Иван, а женщину – Татьяна.

– Однако очень добрый люди. Шибко умный. Иван арифметике учил. Олешек считать. Татьян буквы писать учил. Очень умный люди.

И в память об этих добрых и умных людях всех новых жителей стали называть их именами.

– И все-все у вас Иваны? – восхитился Алешка. – И все шибко умные?

– Шибко умные.

– И вы тоже?

– Самый умный, однако. Умку привез.

Много ума надо, чтобы через всю страну неизвестно куда маленького медвежонка везти. В Ясеневе медвежонку обрадовались. Еще бы!

Но растерялись. Никто из персонала не знал, как его кормить и содержать. И они стали уговаривать дядю Ваню пожить немного в Москве, пока медвежонок окрепнет. И передать свой опыт по воспитанию маленьких белых медведей, однако.

– Однако, чум строить надо, – задумался дядя Ваня. – Где жить?

Тут у них в глазах появился еще один интерес. Но мы еще не знали, какой.

Вскоре выяснилось. Когда мы опять появились в «Зверинце», там между вагончиками уже стояла остроконечная хижина из рубероида, а возле нее у костра, на котором грелся чайник, сидел довольный дядя Ваня, курил трубку. А рядом, свернувшись в клубок, сладко дремал Умка.

И они оба совершенно не обращали внимания на толпившихся возле них зрителей, восторженно наблюдавших эту картину.

– Здорово придумали, – проворчал Алешка. – Живого человека как экспонат выставили!

Неожиданно объявился Ростик. Ни в каких Америках он не был, бабушка на всякий случай преувеличила. Ростик все это время страдал на даче. И, несмотря на голодовку, здорово поправился.

Мы его обрадовали, свозили в Ясенево, показали Прошкина.

– Он! – воскликнул Ростик. – Мой др-руг! Забир-раем!

Обрадовав Ростику, мы тут же его огорчили, пояснив, какие трудности мы уже преодолели и какие нам преодолеть еще предстоит.

– Ростик, – втолковывал ему Алешка, – папа сказал, что нужны особые приметы. Клюв, хохолок, хвост – это все не годится. Это у каждого попугая есть. И не только у попугая.

– И у коровы, – кивнул Ростик, соглашаясь.

– Что, клюв?

– Хвост. Хохолок тоже бывает. Между рогов.

– Ты в своей Америке, – рассердился Алешка, – совсем дураком стал.

Я еле успел вмешаться. И развел боевых друзей по углам. Они еще посопели, поворчали, но успокоились.

– Какие приметы? – задумался Ростик. – Чай любит. Конфеты таскает и прячет на шкафу, в маминой вазе. А когда пришел к нам сосед Крошкин, на шум жаловалась, мама его тоже чаем угостила.

– Ну и что? Какая же это особая примета?

– Очень даже особая, – обиделся Ростик. – Прошкин ему в чашку…

– Сахар положил? – восхитился Алешка.

– Ага. Положил. Только не сахар.

– Умница! – догадался Алешка. И покачал головой: – Только это тоже не примета.

– Бытовое хулиганство, – добавил я. – Думай дальше.

Ростик добросовестно стал вспоминать.

– Песню поет. Про Катюшу. Только очень коротко.

– Это как? Изобрази.

– «У Катюши р-расцветали гр-руши!»

У Ростики здорово получилось. По-попугайски.

– Это примета, – деловито кивнул Алешка и записал эту фразу. – Только для экспертизы маловато будет.

– Думай еще, – подстегнул я Ростику.

– Он разучился в своей Америке, – начал было опять заводиться Алешка, но я его вовремя придержал.

– Он «Спокойной ночи, малыши» очень любит! – вспомнил Ростик. – А когда его спросишь: «Прошкин, который час?», он начинает тикать, как будильник.

– Что-что? – насторожился Алешка. – Ну-ка покажи.

– Я ж не Прошкин! – попробовал было отмотаться Ростик. Но с Алешкой такое не проходит.

– Тикай! – сказал он. И глаза его почему-то загорелись. Особым огоньком.

Ростик насупился, но «потикал».

– Блеск! – воскликнул Алешка. – Вот это особая примета! Самая особая! Никаких нам больше примет не надо. Никаких экспертиз. Мы твоего Прошкина сами заберем!

– А как? – недоверчиво обрадовался Ростик.

– А так! – очень толково и подробно объяснил Алешка.

– Ну… – протянул я. – Наверное, ты прав…

– Значит, – уточнил Алешка, – чтобы Прошкин «затикал», его надо спросить, который час? Так?

Ростик кивнул. И Алешка изложил свой план. По-моему, великолепный. Как хвост у Прошкина. И главное, мы не только вернем попугая, но и страшно отомстим его похитителям.

– Нужно им письмо написать, – начал развивать свой план Алешка. – С предупреждением. – И схватился за авторучку.

– Нет уж! – возразил я. – Ты напишешь! «Тыща бакскофф»!

Алешка ни капельки не обиделся, сразу согласился:

– Да! Это должно быть взрослое письмо. Пиши, Дим.

– Сейчас! – Я включил телевизор и погонял его по каналам. Зачем? Нетрудно догадаться.

Боевики повыхватывали, чтобы убедительно написать. Под настроение.

Потом сел за стол и без всяких черновиков накатал:

«Ты, лох моченый! Развернул, в натуре, свой вонючий зверинец на чужой территории. Бабки хватаешь. Делиться, козел, надо. Завтра для начала твой птичник рванем. Подумай».

И подпись – «Группа братков».

А для большей убедительности я допустил несколько ошибок.

– Молодец! – похвалил меня Алешка. – Сразу видно, чей ты брат!

Так кого же он похвалил? Себя или все-таки меня?

И час настал. Вернее – пробил.

Мы дали дяде Федору папину кожаную куртку и мамину золотую цепочку. Она ее все равно не носила. Это была не цепочка, а «златая цепь на дубе том». На такую цепь не то что кота – тигра можно было посадить. Да и не золотая она была, в натуре. Ее маме тетя Наташа подарила. Выбросить-то жалко.

Но дяде Федору она очень понравилась. Он напялил папину куртку прямо на футболку и повесил на шею цепь.

Подошел к зеркалу. Помолчал. А потом сказал с восторгом:

– А я и не знал, что я такой крутой пацан! Типа того.

Да, в этом прикиде добряка дядю Федора стороной надо обходить.

– Поехал! – решительно сказал он. – Письмо давайте.

Через час с небольшим в вагончик-контору «Зверинца» вошел развязный и грубый, не очень молодой парень. В кожаной куртке, с огромной золотой цепью на голой груди.

– Здорово, мать! – сказал он толстой dame и развалился на стуле. – Где твой шеф, в натуре? Бабки считает? Гони его сюда, типа того.

– Я сейчас охрану вызову, – пролепетала дама.
– Зови, блин! – зевнул дядя Федор. – Погромче! А то моим браткам на входе скучно, по жизни.
– Что вам надо? Это ограбление?
Дядя Федор обиделся.
– Мать, к тебе деловой пацан пришел, а ты пургу гонишь! Шефа давай сюда, базар к нему есть.
– А… А его сейчас нет на месте. – Дама дрожала, как осинка под осенним ветром. Как здоровая сосна, точнее. Под ураганом.
– Блин! – дядя Федор встал, пошарил по карманам, вытащил замызганную бумажку. – Отдай ему эту маляву. Секешь?
– С… секу. Это документ?
– Деловое предложение. Здрава будь, боярыня. – И дядя Федор, открыв ногой дверь, вышел из кабинета.

Дядя Федор благополучно вернулся, скинул папину куртку, с явным сожалением снял с шеи «златую» цепь – уж очень она ему понравилась.

Мы с Алешкой переглянулись.
– Дядя Федор, – проникновенно сказал Алешка. – Вы нам очень помогли.
– Как нам вас благодарить? – проникновенно добавил я. – Денег у нас нет.
– А я их не люблю, – признался дядя Федор. – И они меня тоже. Я вот… такие вот цепочки обожаю. Ради красоты.
– Дарю! – сказал Алешка.
Выбросить-то ее жалко.
– Да что ты! – обрадовался дядя Федор. – Да за такой подарок!.. Дим, пиши еще письма!
Куда надо снесу! Хоть цельный год носить буду!
И дядя Федор ушел счастливый.
А вечером мама стала рыться в своих шкатулках, приговаривая:
– И куда она делась? Как не надо, так все время под рукой. И главное, здоровенная такая, а затерялась, как маленькая. Отец, ты не брал?
– Что? – отозвался папа из-за газеты.
– Да цепь эту. Что Наташка подарила.
– Попробуй только надеть ее, – пригрозил папа, – я с тобой сразу разведусь. Только ты меня и видела.
– Да я не себе. У нашей вредной Марьи день рождения. – Вредная Марья – это мамина начальница. – Я хочу ей эту цепь подарить.
Папа вздохнул:
– А я и не догадывался, какая ты жестокая.
– Я и сама не догадывалась, – проворчала мама. – И куда она делась? Алексей! Ты цепочку не брал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.